

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ БЫВШИХ КОЛЧАКОВЦЕВ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОФИЦЕРСТВА 7-ГО КАМЫШЛОВСКОГО (27-ГО КАМЫШЛОВО-ОРОВАЙСКОГО) ГОРНЫХ СРЕЛКОВ ПОЛКА

И. С. Сильченко¹✉, И. А. Ключ²

¹Технический университет УГМК,
Россия, 624091, г. Верхняя Пышма, пр. Успенский, 3

²Государственный архив административных органов Свердловской области,
Россия, 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, стр. 11

✉ +79022777814@yandex.ru

В исследовании анализируются жизненные стратегии бывших колчаковцев в условиях советской политической системы на примере офицерства 7-го Камышловского (27-го Камышлого-Оровайского) горных стрелков полка. На основе преимущественно неопубликованных источников из фондов государственных и ведомственных архивов реконструированы биографические траектории проживавших в 1920–1940-е гг. на Урале офицеров, выявлены универсальные и регионально-специфические механизмы и критерии их (не) успеха адаптации.

Установлено, что из 189 офицеров полка (по состоянию на 1 ноября 1918 г.) 53 человека подверглись политическим репрессиям, что составляет 35 % от общей численности. Репрессии осуществлялись тремя волнами (1920-е гг., начало 1930-х гг., 1937–1938 гг.) с разной мотивацией и правовыми основаниями. Отдельные бывшие офицеры смогли интегрироваться в советское общество, продолжить военную или гражданскую службу и даже получить государственные награды.

Авторы приходят к выводу, что государство, сформированное в ходе Гражданской войны, нуждалось в компетенциях бывших врагов, но не могло преодолеть подозрительность к их прошлому, и это превратило опыт Гражданской войны в перманентный фактор социального риска.

Ключевые слова: социальная адаптация, историческая антропология, военная антропология, офицерство, Белое движение, советское общество, Екатеринбург, Урал

Для цитирования: Сильченко И. С., Ключ И. А. Социальная адаптация бывших колчаковцев в Советской России на примере представителей офицерства 7-го Камышловского (27-го Камышлого-Оровайского) горных стрелков полка. *Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность»*. 2026. Т. 11, № 2. С. 78–85. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-78-85>. EDN: KFEMYV.

© Сильченко И. С., Ключ И. А., 2026.
Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

SOCIAL ADAPTATION OF FORMER KOLCHAKITES IN SOVIET RUSSIA ON THE EXAMPLE OF OFFICERS OF THE 7th KAMYSHLOV (27th KAMYSHLOVO-OROVAISKY) MOUNTAIN RIFLE REGIMENT

I. S. Sil'chenko¹✉, I. A. Klus²

¹UMMC Technical University, Uspenskiy Ave., 3, Verkhnyaya Pyshma, 624091, Russia

²State Archive of the Administrative Authorities of the Sverdlovsk Region,
Moskovskaya St., bld. 11, Ekaterinburg, 620000, Russia

✉ +79022777814@yandex.ru

unpublished sources from state and departmental archives, the paper reconstructs the biographical trajectories of officers who lived in the Urals in the 1920–1940s, and also identifies universal and regionally specific mechanisms and criteria for their (non-) success in adaptation.

The authors established that out of 189 regiment officers (on November 1, 1918), 53 persons were subjected to political repressions, accounting for 35 % of the total. Repressions occurred in three waves (1920s, early 1930s, 1937–1938s) with different motivations and legal grounds. Some former officers managed to integrate into Soviet society, continued military or civilian service and even received state awards.

The authors conclude that the state during the Civil War needed the competencies of its former enemies, but could not overcome suspicion of their past, which turned the Civil War experience into a permanent factor of social risk.

Keywords: social adaptation, historical anthropology, military anthropology, officers, White movement, Soviet society, Ekaterinburg, Ural

For citation: Sil'chenko I. S., Klus I. A. Social adaptation of former Kolchakites in Soviet Russia on the example of officers of the 7th Kamyshlov (27th Kamyshlovo-Orovaisky) Mountain Rifle Regiment. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2026;11(2):78–85. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2026-11-2-78-85>. EDN: KFEMYV. (In Russ.).

© Sil'chenko I. S., Klus I. A., 2026.

The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Постановка проблемы

Гражданская война 1917–1922 гг. выступила структурообразующим фактором в процессе формирования советской государственности, став основой механизма конструирования новой идентичности. События Гражданской войны, обладая мощным импульсом, оказывали значительное влияние на социально-политический дискурс на протяжении многих лет после окончания боевых действий, а принадлежность к той или иной стороне конфликта явилась определяющим судьбоносным фактором в жизни миллионов людей. Процесс интеграции в новое советское общество был наиболее болезненным для бывших участников антибольшевистских формирований, которые не только ощущали социальные ограничения, но и опасность для собственной жизни.

В этом контексте особое значение приобретает изучение взаимоотношений между бывшими белыми офицерами и советской властью. Такое исследование позволяет не только понять процессы формирования нового общества, но и проанализировать механизмы адаптации и интеграции различных социальных групп в условиях революционных преобразований.

Проблема адаптации бывших офицеров белых армий к условиям советского социума получила освещение в исследованиях, отражающих региональные аспекты вопроса [1–8]. Отметим здесь успехи омских историков, особенно Д. И. Петина. В частности, в одной из его работ обоснована формула сценария социальной адаптации представителей бывшего офицерства, проживавших в советской Сибири [9].

Также стоит сказать, что в Омске в этом направлении историками ведется и значительная популяризаторская работа. Указанная проблематика не раз становилась темой работы площадок публичной истории [10–12].

Однако Уральский регион, как и Сибирь, применительно к изучению положения бывших белых в Советской России представляет собой самоценную проблему, пока являющуюся лакуной в историографии. Стоит сказать, что для всех властей Урал играл стратегическую роль в годы Граждан-

ской войны. Кроме того, уникальность уральских антибольшевистских формирований заключается в особенностях их комплектования и геополитическом положении между красным центром и белой периферией. Эти факторы обусловили формирование особого типа офицерства в регионе, чьи послевоенные стратегии выживания видятся заслуживающими отдельного просопографического анализа. Взаимосвязанное изучение данных вопросов на примере биографий офицеров 7-го Камышловского (27-го Камышлово-Оровайского) горных стрелков полка белой армии — цель данного исследования.

Стоит отметить, что значительная часть офицеров полка являлась идейными противниками большевизма, что обусловило их участие в Белом движении. После поражения в Гражданской войне они столкнулись с необходимостью существования в условиях политического строя, который они принципиально не принимали. Изучение дальнейших судеб офицеров указанного полка представляет собой репрезентативный пример для анализа сложных и зачастую противоречивых путей адаптации в ситуации полного идеологического неприятия установившегося политического режима.

Источниковой базой исследования послужили неопубликованные документы, хранящиеся в федеральных и региональных фондах, а также в ведомственных архивах. Так, основным источником, позволившим получить сведения о составе 7-го Камышловского (27-го Камышлово-Оровайского) горных стрелков полка, стал фонд 39811 «Штаб 27-го Камышловского горных стрелков полка» Российского государственного военного архива.

В фондах Государственного архива административных органов Свердловской области (ГААОСО) обнаружены архивные уголовные дела, связанные с рядом офицеров полка. Кроме того, судьбы некоторых военнослужащих удалось уточнить, проанализировав источники из фондов Центрального архива Министерства обороны России и Книги памяти жертв политических репрессий.

В рамках проведенного исследования был задействован комплекс общенаучных и специально-исторических методов, обеспечивших многоуровневый

анализ объекта изучения. Применение аналитической декомпозиции персональных данных позволило осуществить структурное расчленение биографических сведений, тогда как синтетическое обобщение компонентов обеспечило реконструкцию системных закономерностей. Дедуктивный метод, реализованный через движение от эмпирического уровня (изучение единичных биографий) к теоретическому (формулировка генерализирующих выводов), выступил ключевым инструментом верификации гипотез. Обработка массивов количественных данных осуществлялась посредством статистического анализа. Среди специально-исторических методов был использован просопографический подход, который позволил выявить критерии для идентификации лиц со сходными характеристиками. При этом индивидуальные биографии в исследовании являлись важными элементами, позволяющими выявить общие паттерны. С целью сбора и классификации информации о каждом члене группы был применен биографический метод, а с помощью источниковедческого анализа удалось сделать выводы об истинности и полноте используемых источников. Историко-генетический метод способствовал определению тенденций и выявлению влияния одних событий на другие. Нарративный метод обеспечил исследование биографических данных с учетом исторического контекста.

Основная часть

История 27-го Камышлово-Оровайского полка началась 6 августа 1918 г., когда в соответствии с приказом Командующего Сибирской армией и командира 7-го Уральского отдельного корпуса в уездах Пермской губернии началось формирование полков новой 2-й Уральской дивизии горных стрелков. Полкам, получившим названия в соответствии с центрами формирования (Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Красноуфимский), была присвоена нумерация с 5 до 8 соответственно.

Спешное формирование Сибирской армии на занятых территориях приводило к постоянному изменению наименований, нумерации и структуры частей. Так, уже 19 августа 1918 г. 2-я Уральская дивизия горных стрелков стала 7-й, а входившие в неё полки для унификации получили сквозную общевойсковую нумерацию и превратились в 25-й Екатеринбургский, 26-й Шадринский, 27-й Камышловский и 28-й Ирбитский (вместо Красноуфимского).

Командование формирующимся 27-м Камышловским горным стрелком полком было возложено на полковника М. С. Тарасевича [13, л. 2], что соответствовало практике привлечения опытных кадров из числа офицеров старой армии. Для комплектования личным составом в Екатеринбурге и уезде была проведена мобилизация офицерского корпуса, дополненная добровольным пополнением. К 7 августа 1918 г. в полку числилось 111 офицеров и 3 военных чиновника, сведённых в 3-ю офицерскую роту, которая стала структурной основой (кадровым костяком) соединения [13, л. 1–65].

В оперативно-тактическом отношении полк в летне-осенний период 1918 г. действовал в зоне ответственности Екатеринбургского фронта, участвуя в локальных операциях на подступах к Екатеринбургу, под Режом, Алапаевском. После участия в боях на северном направлении (район Кушвы) соединение было задействовано в стратегически значимых операциях по занятию и удержанию Кунгу-

ра и Уфы [14, с. 109–125]. В начале октября 1918 г. часть была переименована в 27-й Камышлово-Оровайский горных стрелков полк (далее — Камышлово-Оровайский полк) [14, с. 111].

Кульминацией боевой активности полка стало осеннее наступление 1919 г., когда после переброски из Петропавловска к реке Ишим часть осуществила прорыв по Звериноголовскому тракту. Однако к ноябрю 1919 г. под давлением превосходящих сил РККА полк начал организованный отход на территорию Томской губернии. Фактическое существование части прекратилось после перехода через Щегловскую тайгу [14, с. 125], что было обусловлено как потерей управляемости, так и критическим сокращением численности личного состава в условиях дезорганизации Восточного фронта белых войск.

Часть офицерского состава осуществила прорыв в направлении Забайкалья, продолжив участие в вооружённом сопротивлении большевистским формированиям. Основная масса личного состава, однако, оказалась в плену и, пройдя сокращённые процедуры проверки лояльности, была интегрирована в ряды РККА в рамках политики привлечения военных специалистов. После формального завершения полномасштабной Гражданской войны демобилизованные офицеры из числа бывших чинов полка преимущественно выбирали одну из стратегий адаптации: возвращение в места довоенного проживания (большинство), либо добровольную миграцию с целью минимизации рисков политических репрессий в условиях становления советского государственного аппарата.

Согласно документам штатного учета, по состоянию на 1 ноября 1918 г. в Камышлово-Оровайском полку проходили службу 189 офицеров и военных чиновников. Социальный состав офицерского корпуса формировался преимущественно из представителей мещанства, купечества, духовенства, с заметной долей выходцев из семей отставных обер-офицеров и медицинской интеллигенции [13, л. 1–65].

География происхождения личного состава демонстрирует региональную специфику: большая часть офицеров либо являлись уроженцами Екатеринбурга, либо получили образование в учебных заведениях города. При этом биографические данные значительной части офицеров позволяют говорить об их происхождении из населённых пунктов, расположенных в относительной близости от Екатеринбурга [13, л. 1–65]. Этот факт объясняет наибольшую концентрацию именно в фондах ГААОСО архивных уголовных дел, связанных с преследованием советской властью по политическим мотивам бывших офицеров данного полка.

Всего в период 1920–1940-х гг. 53¹ офицера полка подверглись различным репрессиям. Кроме этого, известно о факте гибели одного офицера (капитан Сергей Николаевич Васнецов) весной 1919 г., а также об эмиграции в Маньчжурию трех офицеров (прапорщик Василий Семенович Рязанцев [16], подпоручик Иван Петрович Кулындышев [17, л. 1–2] и поручик Гаврил Григорьевич Обухов [16]). С учетом указанных данных число репрессированных офицеров полка составляет 35 % от общей численности. При этом неполнота архивных данных, утрата документов или их фрагментарность могли стать причиной того, что информация о некоторых представителях офицерского корпуса осталась за пределами исследования.

Тем не менее приведенные статистические данные о доле репрессированных бывших офицеров белой армии, несмотря на возможную незначительную погрешность, отражают общую историческую картину и позволяют сделать выводы о масштабах репрессий в контексте изучаемого периода. Сопоставить эти данные с общероссийскими тенденциями не представляется возможным из-за отсутствия на современном этапе достоверной репрессивной статистики [18, с. 59–60].

Анализ доступных нам архивных уголовных дел в отношении представителей офицерства Камышлово-Оровайского полка позволяет выделить три основных периода политических репрессий бывших белогвардейцев.

Первый период репрессий пришелся на 1920-е гг., при этом основной объем карательных мер был реализован в первой половине десятилетия. На данном этапе советские спецслужбы и административные органы осуществляли оперативную идентификацию и нейтрализацию лиц, связанных с антибольшевистскими движениями.

Второй этап репрессий относится к началу 1930-х гг. Основным фактором, обусловившим преследования, стало выраженное идейное неприятие бывшими военными курсом политического курса коммунистического государства. Критика касалась таких направлений государственной политики, как сворачивание НЭПа, насильственная коллективизация сельского хозяйства и антирелигиозные кампании. Отношение к индустриализации носило противоречивый характер: признавая её объективную необходимость, офицеры указывали на серьёзные недостатки в планировании и реализации соответствующих программ.

Третий этап репрессий, пришедшийся на 1937–1938 гг., оказался наиболее масштабным и жёстким по своим методам. В соответствии с приказом НКВД № 00447 [19], бывшие белые офицеры были отнесены к одной из ключевых категорий, подлежащих репрессиям. Преследования осуществлялись на основе заранее составленных списков. Основными обвинениями, выдвигавшимися в отношении бывших офицеров (в том числе изучаемого примера отдельно взятого полка белой армии), были участие в контрреволюционной деятельности и ведение антисоветской пропаганды.

Всего в ГААОСО выявлено 24 дела бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка на 26 человек (два человека, освобожденные ранее, были повторно арестованы). Из них к началу 1920-х гг. относятся пять дел: Н. И. Абабкова, А. Д. Козлова, И. В. Крутикова, В. А. Крутиховского (полкового священника), А. П. Мишарина.

Четыре дела рассматривались Особым отделом 1-й Армии труда, в то время как дело В. А. Крутиховского находилось в производстве Екатеринбургской Губернской чрезвычайной комиссии. Крутиховский был арестован в июле 1920 г. и осуждён за антисоветскую агитацию. Он содержался в Концлагере № 1 Екатеринбург до декабря 1920 г., когда был освобождён в соответствии с амнистией, приуроченной к третьей годовщине Октябрьской революции [20, л. 564].

Судьба остальных четырёх офицеров сложилась трагически. Все они были приговорены к высшей мере наказания с формулировкой «как враги трудового народа и Советской власти»:

— Н. И. Абабков расстрелян 16 мая 1921 г. за службу в армии А. В. Колчака [21, л. 40–41];

— А. Д. Козлов (прапорщик) — постановление о расстреле утверждено 6 октября 1920 г. [22, л. 31];

— И. В. Крутиков (прапорщик) — приговор приведён в исполнение 15 мая 1920 г. [23, л. 18];

— А. П. Мишарин (прапорщик) — приговорён к высшей мере наказания 5 декабря 1920 г. как «участник боевых действий» против советской власти [24, л. 39].

При анализе репрессивной политики в отношении бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка обращает на себя внимание бескомпромиссная позиция Особого отдела 1-й Армии труда. Даже заступничество со стороны военных и партийных органов не оказывало существенного влияния на исход дел. Характерным примером служит дело бывшего прапорщика А. Д. Козлова. За него ходатайствовали командир и заместитель военкома 1-го полка продовольственной дивизии, которые характеризовали его как «незаменимого специалиста в командном отношении» [22, л. 28]. Кроме того, Невьянская организация ВКП(б) представила рекомендации, отмечавшие, что в период антибольшевистского правления в 1918 г. А. Д. Козлов занимал ответственный пост и использовал свое положение для защиты членов семей красноармейцев от репрессий.

Тем не менее на обращении партийной организации сохранилась резолюция о приведении приговора о высшей мере наказания в исполнение [22, л. 30, об. 30]. Подобные приговоры в отношении бывших камышлово-оровайцев были обусловлены крайней ожесточенностью Гражданской войны на Урале, где вооруженное противостояние приобрело особую интенсивность и бескомпромиссность. Новая власть не могла простить своих бывших врагов. Аналогичные процессы наблюдались в тот же исторический период в Крыму после установления контроля Красной армией над полуостровом, что свидетельствует о системном характере репрессивной политики в отношении бывших участников Белого движения.

Репрессии в отношении бывших офицеров Камышлово-Оровайского полка в начале 1930-х гг. осуществлялись в контексте общесоюзной кампании против так называемых «буржуазных специалистов» и участников Белого движения. Согласно изученным материалам, к данному периоду относятся 7 следственных дел. Чаще всего в этот период предъявлялись обвинения во вредительстве, контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционных организациях². Более того, отдельным фигурантам дополнительно инкриминировались: подготовка вооруженного восстания, оказание помощи враждебным советской власти группам, диверсионная деятельность³.

Характерно, что приговоры начала 1930-х гг. отличались сравнительной мягкостью по сравнению с репрессивной практикой 1920-х гг. Наиболее строгим наказанием стало назначение 10 лет исправительно-трудовых лагерей В. С. Огарышеву [25, с. 26] и И. М. Тимошину [26, с. 59]. Г. Д. Нелюбин и Г. А. Устюжанин были приговорены к трехлетней высылке в Северный край [27, л. 139] и на Урал [28, л. 68] соответственно. В отношении М. Ф. Красиловой [29, л. 10 об.] дело было прекращено, а А. А. Палферов освобожден без предъявления обвинения [30, л. 5 об.].

Данная судебная практика соответствует общей тенденции изменения репрессивной политики в начале 1930-х гг., когда на смену внесудебным распра-

вам периода Гражданской войны пришли формализованные судебные процедуры, хотя и сохранявшие обвинительный уклон.

Критическое отношение к советской власти и сложности адаптации к новым общественно-политическим условиям нашли отражение в биографии Г. А. Устюжанина. В качестве офицера царской армии он занимал должность заведующего полковыми мастерскими и имел чин поручика в 27-м Камышлово-Оровайском полку [28, л. 10, 10 об.].

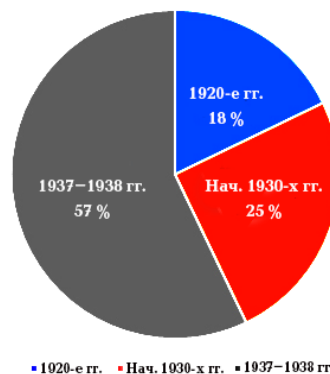
В советский период Г. А. Устюжанин дважды привлекался к уголовной ответственности: в 1921–1923 гг. он отбывал наказание в Сибири как бывший офицер белой армии, а в 1928 г. был осужден за растрату. На момент последнего ареста он являлся лишённым избирательных прав и не состоял на воинском учёте. Сферой его профессиональной деятельности преимущественно было строительство, где он работал в должности техника-проектировщика. Для его трудовой биографии была характерна частая смена места работы, а в характеристиках со стороны руководства преобладали негативные оценки [28, л. 22].

Собственную политическую позицию по отношению к советской власти Г. А. Устюжанин формулировал следующим образом: «Я считал, что единственно правильной формой власти является демократическая (он примыкал к партии эсеров и боролся в годы Гражданской войны за Учредительное собрание. — Прим. авт.), позднее мои убеждения изменились, и я стал сочувствовать политике ВКП(б) и соввласти, будучи несогласным с ней до 1927 г. лишь по религиозному вопросу, ибо я являлся в то время человеком религиозным» [28, л. 26–27]. Данное высказывание свидетельствует об эволюции его взглядов — от неприятия советского строя к формальной лояльности, сопровождавшейся внутренним конфликтом на почве религиозных убеждений.

Третий этап репрессий в отношении бывших офицеров 27-го Камышлово-Оровайского полка характеризуется как наиболее масштабный и жесткий. Хронологически он относится к периоду 1937–1938 гг. Из выявленных архивно-следственных дел 16 были заведены именно в этот период. В их число входят дела М. Ф. Красилова [29, л. 6–8], повторно арестованного 22 августа 1937 г., и А. А. Палферова, арестованного вторично 6 августа 1937 г. [30, л. 3].

Отличительной чертой данной волны стало активное применение обвинений в шпионаже, которые также часто выдвигались в отношении бывших камышлово-оровайцев. Следующим по частоте применения было обвинение в подготовке вооруженного восстания и участии в бандитских формированиях, характерное и для более раннего периода. Однако в 1937–1938 гг. почти наравне с ним стала использоваться статья, подразумевающая активную борьбу против советской власти в период Гражданской войны⁴. Продолжали применяться и обвинения в диверсиях, но с важным дополнением — теперь они формулировались как диверсии против советских работников и учреждений⁵, что ранее в практике по делам офицеров данного полка не фиксировалось. Примечательным является исчезновение из обвинительных заключений статей, связанных с вредительством и оказанием содействия контрреволюционным организациям.

Анализ данных, содержащихся в Книге памяти жертв политических репрессий Свердловской об-

■ 1920-е гг. ■ Нач. 1930-х гг. ■ 1937–1938 гг.

Рис. 1. Процент уголовных дел, заведенных на бывших офицеров полка по периодам (на материалах Государственного архива административных органов Свердловской области)

Fig. 1. Percentage of criminal cases on former officers of the regiment by periods (on materials of the State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region)

ласти, демонстрирует высокую степень строгости выносившихся приговоров: из 16 подвергнутых следствию бывших офицеров полка 10 человек (В. К. Герц [31, с. 186], П. В. Ермолаев [32, с. 42], Н. П. Казаков [33, с. 18], Г. С. Мурашев [34, с. 343], А. В. Клиньских [35, с. 141], Л. А. Коняев [35, с. 239], Е. Д. Макаров [36, с. 155], П. М. Осинкин [25, с. 56], Л. А. Палферов [25, с. 91], Я. Н. Эдугис [35, с. 293]) были приговорены к высшей мере наказания; 5 человек (Ф. И. Батылин [36, с. 171], М. Ф. Красилов [33, с. 321], А. Г. Кузнецов [33, с. 363], Д. П. Мельников [34, с. 250], Д. А. Ушаков [26, с. 174]) получили сроки в 10 лет исправительно-трудовых лагерей; 1 человек (А. А. Кириленко [37, л. 15, 16]) был освобожден без предъявления обвинения.

Судя по материалам архивных уголовных дел, к 1937 г. бывшие офицеры полка либо приняли существующий государственный строй, либо полностью смирились с ним. К концу 1930-х гг. их возраст составлял 40–50 лет, и для них не существовало альтернативы жизни в рамках сложившихся условий. Это осознание в ряде случаев выражалось в подаче заявлений, жалоб и апелляций в партийные, советские органы всех уровней. Подобные документы отправлялись людьми, твердо верившими в свою невиновность, а их главной задачей являлось прекращение преследований со стороны власти. Тем не менее ни один из 26 офицеров, чьи дела нам доступны, не состоял и не был кандидатом в члены ВКП(б).

На рис. 1 представлено распределение архивных уголовных дел в отношении бывших офицеров полка в различные периоды.

Безусловно, жизненные траектории некоторых офицеров позволили им не только избежать репрессий, но и продолжить активную деятельность, а также нести военную службу в новых социально-политических условиях. В качестве примера можно рассмотреть судьбу бывшего прапорщика, уроженца Нижнетагильского завода Пермской губернии — Аркадия Ивановича Селина. В 1919 г. он был зачислен в ряды РККА и продолжил военную службу. После увольнения переехал в Тамбов. В 1940 г. Селин был повторно призван на военную службу [38, л. 1]. Участвуя в Великой Отечественной войне с января 1942 г., он дослужился до майорского звания. В ходе войны был трижды ранен. В 1944 г. занимал должность заместителя командира

по строевой части 948-го стрелкового полка. Был награждён медалью «За оборону Сталинграда» [39, л. 413], а в 1944 г. за участие в боях в районе Сапун-Горы — орденом Красной Звезды [40, л. 152]. За боевые действия на территории Латвии он был удостоен ордена Красного Знамени [41, л. 281]. Демобилизован в ноябре 1945 г.

Лекарь 27-го Камышлово-Оровайского полка, уроженец Шадринска Михаил Алексеевич Шагов продолжил медицинскую карьеру и получил офтальмологическую специализацию. Переехал в Ленинград, работал в институте им. Гришмана. Участвовал в советско-финской и Великой Отечественной войнах. С 1943 г. воевал в составе 24-го полевого эвакуационного пункта. Получил звание подполковника медицинской службы, орден Красной Звезды и медаль «За оборону Советского Заполярья» [42, л. 223]. В послевоенный период выпустил ряд книг, посвященных профессиональному главному травматизму.

Примечательна судьба полного георгиевского кавалера подпоручика Александра Федоровича Блохина, который в 1920 г. добровольно перешел на сторону большевиков. С лета 1920 г. по март 1921 г. он содержался в концентрационном лагере и тюрьме Ярославля. В конце 1922 г. был отправлен в Екатеринбург. Состоял на особом учете в Объединённом государственном политическом управлении до 1924 г. Работал на винокуренном заводе, затем кондуктором на железной дороге. С 1922 г. состоял в партии, с середины 1930-х гг. — работник торфпредприятия в посёлке Монетный, неподалеку от Свердловска [43].

Выводы

Судьбы офицеров 27-го Камышлово-Оровайского полка служат микроисторической иллюстрацией общегосударственных процессов формирования советской идентичности и государственности, где наследие Гражданской войны играло структурообразующую роль. Выявленный уровень репрессий (35 % от установленной численности офицерского состава на 1 ноября 1918 г. (189 чел.) свидетельствует о масштабах репрессивной политики, которая реализовывалась волнами (1920-е гг., начало 1930-х гг., конец 1930-х гг.), опиравшимися на различную мотивацию, но неизменно использовавшими биографию «бывшего» как основание для преследования.

Вместе с тем высокий процент репрессированных офицеров и разнообразие их жизненных траекторий — от расстрела на раннем этапе до правительственных погрод — обнажают фундаментальный парадокс. Государство, сформированное в ходе Гражданской войны, нуждалось в компетенциях своих недавних врагов для выживания и развития, но не могло преодолеть подозрительность к их прошлому. Данное противоречие обусловило условный и конъюнктурный характер интеграции бывшего офицерского корпуса в советское общество, трансформировав опыт Гражданской войны в перманентный фактор социального риска для миллионов бывших участников конфликта.

Примечания

¹ Статистические данные по полку выведены на основании документов ГААОСО (реквизиты указаны), а также электронной базы данных жертв политических репрессий «Открытый список» [15].

² Ст. 58-7, 58-10 и 58-11 УК РСФСР.

³ Ст. 58-2, 58-4 и 58-9 УК РСФСР.

⁴ Ст. 58-13 УК РСФСР.

⁵ Ст. 58-8 УК РСФСР.

Список источников / References

1. Петин Д. И., Стельмак М. М., Сушко А. В. «Золотопогонники» в Советской России: коллективный социальный портрет бывших белых офицеров в 1920-е гг. (на примере Омска) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 165–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/486/18>. EDN: IWQMWV.
2. Уйманов В. Н. Карательная операция против бывших белых офицеров в Западной Сибири в 1933 году // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 6. С. 243–251. EDN: PBNQJF.
3. Василевский В. П. Деятельность органов ГПУ-ОГПУ Омска в отношении бывших военнослужащих белой армии // Омский научный вестник. 2013. № 4 (121). С. 27–30. EDN: RELUGV.
4. Казаков Д. Н. Судьбы Вятских офицеров во времена «Красного террора» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2017. № 1 (34). С. 101–119. EDN: XRUXAV.
5. Петин Д. И. Бывшие офицеры в социальном пространстве западносибирской провинции в 1920-е годы: пример Тары и Тарского уезда (округа) // Исторический курьер. 2024. № 6 (38). С. 50–65. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2024-6-4>. EDN: ODCGBM.
6. Петин Д. И. Бывшие белые офицеры в учреждениях образования и просвещения Красноярска в первой половине 1920-х гг.: к осмыслению профессиональной роли и историко-антропологического портрета // Сибирский антропологический журнал. 2024. Т. 8, № 4. С. 6–16. EDN: PSRORA.
7. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2001. 336 с. EDN: XWYEVF.
8. Симонов Д. Г. Белая сибирская армия в 1918 году: монография. Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский гос. ун-т, 2010, 610 с. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF.
9. Simonov D. G. Belaya sibirskaya armiya v 1918 godu. Novosibirsk, 2010, 610 p. ISBN 978-5-94356-904-3. EDN: QPRBZF. (In Russ.).

9. Петин Д. И. К вопросу о социальной адаптации бывших офицеров и чиновников белых армий в Омске в 1920-е гг. // Омские социально-гуманитарные чтения-2023: материалы XVI Международной научно-практической конференции. Омск: ОмГТУ, 2023. С. 105–110. EDN: CRBLXO.

Petin D. I. K voprosu o sotsial'noy adaptatsii byvshikh ofitserov i chinovnikov belykh armiy v Omske v 1920-e gg. *Omskiye Sotsial'no-Gumanitarnyye Chteniya-2023*. Omsk, 2023. P. 105–110. EDN: CRBLXO. (In Russ.)

10. Мамонтова М. А. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Отечественные архивы. 2023. № 6. С. 120–122. EDN: YOVFGF.

Mamontova M. A. Kruglyy stol v Tsentre izucheniya istorii Grazhdanskoj vojny Istoricheskogo arkhiva Omskoj oblasti. *Otechestvennyye Arkhivy*. 2023;6:120–122. EDN: YOVFGF. (In Russ.).

11. Машкевич С. В., Петин Д. И., Сушко А. В. Конференция о Гражданской войне на Востоке России: Международный научный диалог в Омске // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2024. Т. 11, № 1 (41). С. 175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW.

Mashkevich S. V., Sushko A. V., Petin D. I. Conference on the Civil War in Eastern Russia: International scientific dialogue in Omsk. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2024;11(1):175–180. [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11\(1\).175-180](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2024.11(1).175-180). EDN: EDPMOW. (In Russ.).

12. Мамонтова М. А., Федотова И. В. Круглый стол в Центре изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области // Сибирский архив. 2025. № 1 (23). С. 64–80. EDN: OHBASC.

Mamontova M. A., Fedotova I. V. Round table at the Center for the Study of the History of the Civil War Historical Archive of the Omsk Region. *Sibirskiy Arkhiv*. 2025;1(23):64–80. EDN: OHBASC. (In Russ.).

13. Российский государственный военный архив. Ф. 39811. Оп. 1. Д. 27.

Russian State Military Archive. File: 39811/1/27. (In Russ.).

14. Кручинин А. М. Российский полк с финским именем. Очерки истории Оровайского полка (1811–1920). Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2000. 140 с.

Kruchinin A. M. Rossiyskiy polk s finskim imenem. *Ocherki istorii Orovayskogo polka (1811–1920)*. Ekaterinburg, 2000. 140 p. (In Russ.).

15. Открытый список. База данных жертв политических репрессий. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 25.05.2025).

Otkrytyy spisok. Baza dannyykh zhertv politicheskikh repressiy. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

16. Биобиблиографический справочник «Российские эмигранты в Маньчжурии». URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/projects/brem/> (дата обращения: 25.05.2025).

Biobibliograficheskiy spravochnik "Rossiyskiye emigranty v Man'chzhurii". URL: <https://gakhkk.khabkrai.ru/projects/brem/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

17. Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 25431.

State Archives of Khabarovsk Krai. File: P-830/3/25431. (In Russ.).

18. Тепляков А. Г. К вопросу о достоверности статистики государственных репрессий 1918–1953 гг. // Идеи и идеалы. 2015. Т. 1, № 4 (26). С. 59–67. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67>. EDN: VIBJVT.

Teplakov A. G. On the question of reliability of the state repression statistics in 1918–1953. *Ideas and Ideals*. 2015;1(4):59–67. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2015-4.2-59-67>. EDN: VIBJVT. (In Russ.).

19. Оперативный приказ НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и

других антисоветских элементов». 30 июля 1937 года. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170642> (дата обращения: 25.05.2025).

Operativnyy prikaz NKVD SSSR № 00447 «Ob operatsii po repressirovaniyu byvshikh kulakov, ugolovnikov i drugikh antisovetskikh elementov». 30 iyulya 1937 goda. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/170642> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

20. Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 75020.

State Archives of Administrative Bodies of the Sverdlovsk Region (SAABSR). File: P-1/2/75020. (In Russ.).

21. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 78490.

SAABSR. File: P-1/2/78490. (In Russ.).

22. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 72870.

SAABSR. File: P-1/2/72870. (In Russ.).

23. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 73001.

SAABSR. File: P-1/2/73001. (In Russ.).

24. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 78522.

SAABSR. File: P-1/2/78522. (In Russ.).

25. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 6. О-П. Екатеринбург: Средне-Уральское книжное издательство, 2006. 336 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 6. Ekaterinburg, 2006. 336 p. (In Russ.).

26. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 8. Т-Х. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2010. 382 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 8. Ekaterinburg, 2010. 382 p. (In Russ.).

27. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 77731.

SAABSR. File: P-1/2/77731. (In Russ.).

28. ГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 18293.

SAABSR. File: 1/2/18293. (In Russ.).

29. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 59911.

SAABSR. File: P-1/2/59911. (In Russ.).

30. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 58539.

SAABSR. File: P-1/2/58539. (In Russ.).

31. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 2. В-Д. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2000. 294 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 2. Ekaterinburg, 2000. 294 p. (In Russ.).

32. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 3. Е-И. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2001. 302 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 3. Ekaterinburg, 2001. 302 p. (In Russ.).

33. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 4. К. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2004. 414 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 4. Ekaterinburg, 2004. 414 p. (In Russ.).

34. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 5. Л-Н. Екатеринбург: Типография Екатеринбургской епархии, 2005. 478 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 5. Ekaterinburg, 2005. 478 p. (In Russ.).

35. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 9. Ц-Я. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2012. 406 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 9. Ekaterinburg, 2012. 406 p. (In Russ.).

36. Книга памяти жертв политических репрессий: Свердловская область. Т. 1. А-Б. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 1999. 256 с.

Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressiy: Sverdlovskaya oblast'. Vol. 1. Ekaterinburg, 1999. 256 p. (In Russ.).

37. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 2743.

SAABSR. File: P-1/2/2743. (In Russ.).

38. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 7601. Оп. 126297с. Д. 1.

Central Archives of the Ministry of Defense of the Russian Federation (CAMD RF). File: 7601/126297c/1. (In Russ.).

39. ЦАМО РФ. Ф. 406. Оп. 9850. Д. 52.

CAMD RF. File: 406/9850/52. (In Russ.).

40. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 1119.

CAMD RF. File: 33/690155/1119. (In Russ.).

41. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2739.

CAMD RF. File: 33/687572/2739. (In Russ.).

42. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 44677. Д. 432.

CAMD RF. File: 33/44677/432. (In Russ.).

43. Шабуров В. А. Александр Федорович Блохин — полный кавалер 4-х Георгиевских Солдатских Крестов. URL: <https://sukharev-y.ru/%D1%88%D0%B0%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%B0-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D1%85%D0%B8/> (дата обращения: 25.05.2025).

Shaburov V.A. Aleksandr Fedorovich Blokhin — Polnyy Kavaler 4-kh Georgiyevskikh Soldatskikh Krestov. URL: <https://sukharev-y.ru/%D1%88%D0%B0%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2-%D0%B2-%D0%B0-%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%80-%D1%84%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-%D0%B1%D0%BB%D0%BE%D1%85%D0%B8/> (assessed: 25.05.2025). (In Russ.).

Вклад авторов:

И. С. Сильченко. Работа с материалами Российского государственного военного архива, подготовка введения, заключения, основной части научно-справочного аппарата; общая редакция.

И. А. Ключ. Работа с материалами Государственного архива административных органов Свердловской области; подготовка заключения; правка и вычитка текста.

Authors' contribution:

Ivan S. Sil'chenko. Studying materials of the Russian State Military Archive; preparation of the introduction, conclusion and the main part of the scientific reference apparatus; general editing.

Ivan A. Klus. Studying materials of the State Archive of the Administrative Authorities of the Sverdlovsk Region; preparation of the conclusion; proofreading and revision of the article.

Информация об авторах:

СИЛЬЧЕНКО Иван Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой «Гуманитарные

и естественно-научные дисциплины» Технического университета УТМК, г. Верхняя Пышма.

SPIN-код: 1113-2171

AuthorID (РИНЦ): 923392

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

ResearcherID: AAE-8853-2019

e-mail: +79022777814@yandex.ru

КЛЮС Иван Александрович, магистр истории, главный археограф отдела научно-справочного аппарата, использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области, г. Екатеринбург.

SPIN-код: 1634-5460

AuthorID (РИНЦ): 1215652

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1874-2728>

e-mail: i.klyus@egov66.ru

Прозрачность финансовой деятельности: авторы не имеют финансовой заинтересованности в представленных материалах и методах. Конфликт интересов отсутствует.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 24.04.2026.

Information about the authors:

SIL'CHENKO Ivan Sergeyevich, Candidate of Historical Sciences, Head of the Humanities and Natural Sciences Department, UMMC Technical University, Verkhnyaya Pyshma.

SPIN-code: 1113-2171

AuthorID (RSCI): 923392

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9906-9619>

ResearcherID: AAE-8853-2019

e-mail: +79022777814@yandex.ru

KLUS Ivan Aleksandrovich, Master of History, Chief Archaeographer of the Scientific and Reference Apparatus, Use and Publication of Archival Documents Department, State Archive of the Administrative authorities of the Sverdlovsk region, Ekaterinburg.

SPIN-code: 1634-5460

AuthorID (RSCI): 1215652

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-1874-2728>

e-mail: i.klyus@egov66.ru

Financial transparency: the authors have no financial interest in the presented materials or methods. There is no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 24.04.2026.